

Все мы понемножечку волхвы —
удивляться этому не надо:
шелест облетающей листвы
слышен накануне листопада.
Человеку загодя дана
слуховая чуткая мембрана,
и, когда на кухне тишина,
только время капает из крана.
Угадаю ли наверняка
роковую дату невозврата,
слушая, какие облака
пролетают в сторону заката?

Воробышек

Жена заплачет,
ангел отвернется
и за душой не будет ни копья,
когда на сердце будто встрепенется
простая птица вроде воробья.
Она свободно
крыльшки расправит,
и медики руками разведут,
а кто-нибудь из космоса представит
земную жизнь за несколько минут.
Душа бывает
праведной и грешной,
но всякий раз, у жизни на краю,
чирикает воробышек сердешный
бесхитростную песенку свою.

У возраста странная мера:
по памяти время храня,
я, может быть, старше Гомера,
но Лермонтов старше меня.

Наверное, скоро наука
откроет великий закон
и дед, опекающий внука,
узнает, что внук — это он.
И, всё повторяя сначала,
выходишь из мрака на свет,
а женщина ждет у причала,
наверное, тысячу лет.

Законы любви и природы
всегда утверждают одно:
какие бы ни были годы,
любимым стареть не дано.

Айседора

Иногда по ночам
на погосте туман
и гуляет нечистая сила.
Айседора Дункан,
Айседора Дункан,
ну, зачем ты его полюбила?
Босоножка, на кой тебе эта Москва
и поэзия русского хмеля,
золотые слова и дурная молва,
ритуальные танцы метели.
Целовала порывисто и горячо
по завету свободы и плоти,
а потом перекинула шарф за плечо,
потому что судьба на излете.
Всё на этой земле
волшебство и обман,
быль и небыль, любовь и могила.
Айседора Дункан,
Айседора Дункан,
ну, зачем ты *его* полюбила?!

Фонарь у дежурной аптеки,
поставленный, как оселок...
Ах, люди мои, люди,
что вам обезумевший Блок?
Что вам, современные скифы,
готовые к бою с утра,
чужие печали и мифы,
когда на работу пора?
У вас грандиозные планы
и замыслы, благодаря
тому, что «духи и туманы»
решительно до фонаря!

По натуре я не пилигрим —
саквояж не держу наготове:
все дороги, ведущие в Рим,
обрываются на полуслове.
За какие, не знаю, грехи
мне такая положена плата? —
но гуляют по свету стихи,
забубленные мною когда-то.

*...поэты нынче не в цене.
Из старого стихотворения*

Вот и настала такая пора,
что не до жира и не до веселья:
на поэтические вечера
даже поэты
не ходят с похмелья.
Хочется жить, а стихи не в цене,
даже губительны, если угодно:
думать и чувствовать на стороне
стало не модно
и малодоходно.
Денег и почестей я не хочу,
а коньяком угостите едва ли.
Не сомневайтесь, я сам заплачу —
только бы думали
и понимали.

Видно, даром не проходит

шевеленье этих губ...

O. M.

От немыслимого чуда,
коему названья нет,
и до той поры, покуда
существует белый свет,
может статься, недалече.
Но от века — там и тут —
по этапу русской речи
нас конвойные ведут.
Оттого что уязвимы
наши души во плоти,
все пути исповедимы,
кроме крестного пути.
Что написано — прочтется:
век на почести не скуп
и, воистину, зачтется
шевеленье этих губ.

Л. А.

Не избами, не сеновалом
и не перегаром печали —
Россия пропахла вокзалом,
где мы провожали, встречали;
где были победы, обиды,
разводы на лагерных зонах
и где посейчас инвалиды
поют на холодных перронах.
А мы в привокзальном буфете
сидим посредине Отчизны,
как будто никто не в ответе
за все инвалидные жизни.

Китежане

Жить у обрыва — плохая привычка,
но, со времен допотопной Орды,
Китеж-Воронеж — слышна перекличка
слов и веков, облаков и воды.

В каждом из нас и в любую погоду,
каждые двадцать четыре часа —
город, который уходит под воду
или возносится на небеса.

2

Не важно, с какого боку,
но чудится наяву,
что Китеж неподалеку —
я в нем посейчас живу.

В России душа, как дома,
поэтому не впервый —
от Китежа до Содома
недолго по Кольцевой.

3

...а Китеж не в раю и не в аду —
по этой жизни он и тут, и там.
Мы движемся на собственном ходу
по самым неожиданным местам.

Не говори, что небо не про нас —
оно сегодня ближе во сто крат,
а демоны и ангелы сейчас
между собой по-русски говорят.

Душа,
летящая, как дым
от прогоревшего костра,
меня запомнит молодым
и развеселым до утра.
Все,
что не стоит ни гроша
за человеческой судьбой,
моя веселая душа
запомнит и возьмет с собой.

